

Н. Стрельников

Бетховен

Опыт Характеристики

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 78
ББК 85.31
Н11

Н11 **Н. Стрельников**
Бетховен: Опыт Характеристики / Н. Стрельников – М.: Книга по Требованию, 2014. – 57 с.

ISBN 978-5-458-57415-0

Вышедшая в 1922 году книга Стрельникова Н. о Бетховене представляет собой попытку феноменологического подхода к осознанию значения не только творчества Бетховена для искусства, но и всей его фигуры для человечества в целом.

ISBN 978-5-458-57415-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

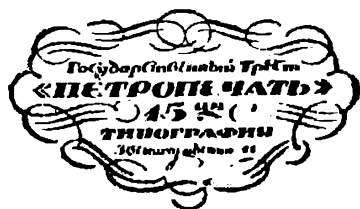
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Р. Ц. № — 1072

Напечатано в количестве 5000 экз.

БЕТХОВЕН

1770 — 1827

БЕТХОВЕН

„Tantôt libre, tantôt recherché“.

Beethoven, Grosse Fuge op. 133.

I

Маша беседа о Бетховене — беседа людей, переживших Листа, Вагнера и Скрябина — чтобы не стать назидательной дидактикой или разговором живых о мертвом, должна быть с одной стороны свободной, с другой — догматической беседой. Это значит, что она прежде всего должна иметь своим предметом явление Бетховена в том виде, как оно сейчас принадлежит нашему сознанию, вне условий его исторического бытия и при этом, затем, должна исходить из таких, отысканных в феноменологии бетховенского духа основоположений, которые, утверждая существо предмета, в наименьшей степени нуждались бы в какой бы то ни было критической поверке.

Итак, Бетховен вне исторической преемственности, Бетховен вне фактов его жизнеописаний, Бетховен вне всего случайного, что не служит к установлению ближайших принципиальных черт его идейного облика.

Тремя этими положениями определяется „догматичность“ предлагаемой беседы и три эти положения в свою очередь оправдываются непререкаемой сейчас „догмой“ гениальности человека, которому эта беседа посвящена.

В самом деле, в трагической интриге жизни человечества гений появляется всегда в роли *deus ex machina*, как Иракл в „Филоктете“ или Диана в „Ифигении“. Его явление всегда неожиданно, неподготовлено и решающе. Гений—самодовлеющая форма, а не движущийся по законам истории поток. Он—сам по себе и не связаны с ним никакими узами причинности предстатели его во времени.

Его определение ни в каком случае не „*fit per genus proximum*“ — по сопоставлению с „родовым“ понятием.

Напротив того, этот ближайший „род“ гения слишком часто антиномичен ему по существу. Пророк должен быть по духу страшен священнику. Всё в них противоположно. Священство статический модус религии, пророчество—динамический. Один кристаллизует и сберегает религию, другой

расплавляет и заставляет ее течь дальше, вперед. Там предание, покой и будни в течении веков, здесь—творчество, буря, мгновения восторга, освещающие путь векам.

Одной строфой из „Одиссеи“ Гомер проливает больше света на сущность поэзии, чем десяток друг с другом спорящих александрийских школ, и одной складкой плаща Мадонны Леонардо смысл искусства вскрывается яснее, нежели всеми исследованиями Мутера и Уольтер Патера, сложенными вместе. Еще бы: там ремесло и выучка, мастерство и опыт, здесь — озарение и час чуда.

И не стало ли все величие ремесленной мудрости понятием без непременно содержания с тех пор, когда часовых дел мастер Уатт изобрел паровую машину, циркульник Аркрайт машину прядильную, а ювелир Фультон — пароход?

Тщетны и жизнеописания гениальных людей, хотя бы наиболее обстоятельные. Творческое начало имманентно жизни и никакие суждения, отпавляясь от жизненных фактов, не могут вскрыть существа природы творчества, ибо в таинственных течениях человеческого сознания творчество и бытие взаимно совпадают.

Наконец, хотя бы и множественные и протяженные, пути гения—в сущности единый и кратчайший путь, так как направление и расстояние его определяется лишь двумя точками, смежными

по расположению: точкой рождения силы и точкой ее приложения. Каковы же состояния, обозначаемые этими точками, не познать и критическими методами, ибо всякая точка, единственный конкретный знак состояния,—предел геометрической линии и оттого не имеет ни одного из знакомых позитивной науке измерений.

II

Гомер, Леонардо, Микель-Анджело, Шекспир. Один жил десять веков тому назад, другие свыше трехсот и четырехсот лет раньше нашего времени. А вот со дня смерти Бетховена не исполнилось и сотни лет. И тем не менее для большинства из нас его облик уже не фигура, облеченная в плоть и кровь, движущаяся по венской Ландштрассе или аллеям Винервальда и пишущая нотные значки на клочке бумаги то за столиком захолустного Кайзеркафэ, то в узенькой комнатке Шварцпаниргауза, а Бетховен, чье имя мы привыкли видеть напечатанным рядом с надписями: Третья, Пятая или Девятая симфония, увертюра Эгмонт или Леонора, *cis-moll'*ный или *es-dur'*ный квартет. А если не имя, не восемь букв в данной комбинации, то — изваяние, видимый образ мифического существа полубожественного происхождения, живой в памяти как гений, как „великий человек“.

Во всех этих случаях представления о Бетховене на первый план сознания выступает величие общечеловеческого образа, и отодвигается частная значимость музыканта — явление, тождественное современному нашему приятию Гомера, Леонардо, Шекспира. Поэт, художник, драматург решительно заслонен идеальной стороной общечеловеческого творчества, словно на высочайшей точке „профессионального“ мастерства происходит мгновенная новация оснований и творец, ближайшим образом определяемый именно чертами личного своеобразия, становится просто величайшим создателем непреходящей общечеловеческой ценности.

Не возвращение домой от стен павшей Трои, а крушение общей всему человечеству идеи, не росписной плафон Сикстинской капеллы, а предстояние человека пред лицом Дня гнева, не безумный старик, посылающий проклятие во мглу грозовой ночи, а общечеловеческая трагедия отверженного.

Именно незримый подмен одного другим, частного — общим, временного — вечным.

Оттого четыре ноты первого Allegro C-moll'ной симфонии не только четыре тона равной величины в двудольном метре Allegro con brío и потому начало cis-moll'ного квартета не только фугато, построенное на парной теме, но и жизнь некоей мысли, угрожающей и скорбной. И оттого недаром

Бетховен за неполное столетие, истекшее со дня его смерти, для нас уже отвлеченный человек, факту минувшего жизненного существования которого мы уже верим по преданию.

Его симфонии для нас прежде всего создание титанической мысли и апофеоз духа, торжествующего победу над материей, как торжество духа и гомерические эпopeи, и миланская „Вечеря“ и ватиканский „Суд“, и несчастный Лир с развевающимися по ветру сединами.

Высочайшее призвание гения именно в том, что его искусство являет нам вещи в свете преображения и тем пророчественно свидетельствует о сокрытой дотоле истине.

Но в приложении к музыке, что есть истина?

„Слова связаны, к счастью звуки еще свободны“, писал Бетховену поэт Куфнер во дни, когда монархическая реакция наложила суровый гнет на вольные умы своего времени и даже Грильпарцер жаловался Бетховену на цензурные стеснения творческой мысли.

Сам Бетховен писал как-то Вильгельму Герхарду: „Изображение предметов свойственно живописи. Поэзия также может считать себя в этом отношении счастливой по сравнению с музыкой. Господство ее не так ограничено, как мое. Но зато мое простирается дальше, в иные области. И в мои владения не так-то легко проникнуть“.